

Никита Бичурин

Описание религии ученых

Никита Яковлевич Бичурин

Описание религии ученых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3166875

Аннотация

«Конфуцианство тем отлично от других религий, даже от восточных, что те, в сравнении с ним, все же имеют некоторое сходство с западными, так что невольно рождается вопрос: религия ли это?

Этот вопрос мы лучше всего решим из рассмотрения происхождения конфуцианства, или, лучше сказать, всякий может решить по-своему, потому что у всякого может быть свое понятие о религии...»

Содержание

В. П. Васильев «Конфуцианство»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Никита Яковлевич Бичурин

Описание религии ученых

Я верю в древность.
Конфуций

В. П. Васильев «Конфуцианство»

Конфуцианство тем отлично от других религий, даже от восточных, что те, в сравнении с ним, все же имеют некоторое сходство с западными, так что невольно рождается вопрос: религия ли это?

Этот вопрос мы лучше всего решим из рассмотрения происхождения конфуцианства, или, лучше сказать, всякий может решить по-своему, потому что у всякого может быть свое понятие о религии.

Если религия, говоря вообще, старается почерпнуть и свои силы, и свое оправдание в древности, то тем более конфуцианство, претендующее на свое происхождение одновременно с началом китайской нации, почитаемой самою древнейшею в мире, есть религия по преимуществу. Древность играет такую же важную роль в человеческом сердце, как и самая религия, даже служит ее основанием. При всем нашем новейшем превосходстве над древним миром, мы все еще ищем тайн в глубокой древности, не только для объяснения истории человечества, но даже в области физической природы, – кажется, что эта археологическая привязанность и служит причиной антагонии между наукой и религией.

Конфуцианство самостоятельно дошло до мысли, что только то хорошо, что сохраняет на себе тип древности; только в древнее время были хорошие образцы, совершенные люди. Не считая еще их ни богами, ни святыми, конфуцианство выставляет в пример нравственности и самого лучшего управления таких государей, каковы были Яо, Шунь, Вань: Тан, Вэнь и У; при этих царях все было хорошо устроено; они правили спустя рукава; каждое их изречение, даже простое восклицание, есть комментарии на всю жизнь, закон для будущих веков. Понятно, что такой взгляд весьма плохо может гармонировать с прогрессом, но очень хорошо поддерживает неподвижность; кажущееся развитие будет не более как разработка однажды принятых начал, и всякий умственный труд в этой рамке будет еще больше лишать ум свободы; то, что в известное время, при известном умственном уровне общества, казалось высокою интеллигенцией, со временем набрасывает на это общество покров мрака и невежества. Религии Востока, как ни широк был их первоначальный район, не дали человечеству той свободы, которую дала на Западе Библия; кроме единобожия, в учении о Мессии заключалась другая великая идея – допущение обновления принципов, следовательно, даже перемена их. Религии Запада, говоря сердцу, не охватывали вопросов, касающихся науки, просвещения: поэтому последнее и могло развиваться; религии Востока вышли из школы, были сначала простым учением, и потому, на какой степени стояла наука в то время, когда она превращалась в религию, на той степени она и должна была остановиться.

Мы здесь не можем подробно распространяться о древности китайского народа; хотя нам, собственно говоря, эта древность китайцев безразлична, но все же многим, привыкшим к вере на слово в первые рассказы, станет жалко убедиться, что эта древность имеет в себе столько же исторического за 1000 лет до Р. Х., сколько исторического, для этой же эпохи, представляет и Греция. Замечательно, что везде – чем народ позже составлял свою историю, тем к большей древности он возносит ее начало. Китайцы времен Геродота еще знали только своего Девкалиона – Яо (за 2357 лет); позже, во втором веке до Р. Х., Сыма-цян уже вводит

Хуанди (за 2697 лет), позднее является Фу-си (за 2952 лет); наконец, еще позже древность считается уже миллионами; индийцы – те так знают даже прежние периоды мироздания.

Но откуда почерпнули свои исторические сведения китайцы? Какие остались памятники их древности, какие книги свидетельствуют о ней? Во-первых, заметим, что письменность настоящая, а не воображаемая изобретена была только за восемь веков до нашей эры, то есть несколько не раньше того времени, как она, за исключением загадочных надписей египтян, является и на Западе. Спрашивается, каким образом могли сохраниться рассказы о том, что было в продолжение почти двух тысяч лет до изобретения письма. Предания? Но мы знаем, что предания и у новейших народов, когда им даже можно справиться у других соседей, представляются в смешении. Много ли нынешние монголы знают о Чингисхане? Знает ли русский народ о том, что было до Петра, да, пожалуй, и при нем?

Является письменность, – является и настоящая история. Чунь-цю, Весна и Осень, вот первая действительная летопись Китая, в которой события обозначаются шаг за шагом, а она начинается только с 723 года до Р. Х. Вглядитесь в язык этой летописи – это язык сжатый, необработанный, едва понятный, едва отступающий от знаков, которыми хотели обозначить события, когда вбивали гвозди в Капитолии. Это самое доказывает, что начало летописи недалеко отошло от времени изобретения письменности. Надобно знать свойства китайской письменности, ее трудность для выражения понятий, самую медленность процесса письма или выковыривания букв ножом на бамбуковых дощечках, чтобы понять, что Чунь-цю, в самом деле, принадлежит древности. От этой сжатости, неточности или набрасывания кое-как мыслей недалеко отступает и самый язык писателей, живших уже после Конфуция; следовательно, китайской письменности трудно было сформироваться. Что же мы узнаем из этой первой исторической летописи? То, что ядро китайской нации, или – так как трудно даже определить, что такое тогда была собственно китайская нация – та власть, которая подчинила себе часть будущей китайской нации, зародилась, может быть, действительно, на запад от юго-восточного изгиба Хуан-хэ, но вскоре перенесла эту власть восточнее, как мы застаем ее уже в исторические времена; государи этой китайской нации воинственны, они распространяют свою власть во все четыре стороны, потому что всюду встречают народы, живущие без всякой связи, сами по себе. Но и гораздо позже этого мы узнаем из этой же самой истории, что все-таки владения китайские были вовсе не так обширны, как представляется нынешний Китай и как хотят представить Древний Китай толкователи и фабrikаторы преданий; на востоке эти владения далеко не доходили до моря, на севере не касались даже нынешней столицы Китая, Пекина, на юге – об знаменитом Ян-цзыцзяне, на котором стоят известные ныне Нань-кин и Хань-коу, не было еще и помину; запад всего более представляет отпор; оказывается, что китайской власти принадлежали только несколько окрестностей изгиба Хуан-хэ, и власть эта, благоприятствуемая течением Хуан-хэ, всего грознее надвигалась на восток, как бы и в то время уже доказывая, что запад сильнее востока. Нет сомнения, что во всем нынешнем Китае и за границами его все уже было занято, заселено, может быть, я враждовало между собою; можно даже допустить, что не все принадлежало одному племени, но в этом огромном пространстве первый почин исторического объединения принадлежит той династии, которую мы застаем в Китае при начале ее летописи.

Скажут, что, кроме этой летописи, китайцы имеют еще другую историю: Шу-цзин, которая начинается именно с того Яо, который жил за 2357 лет до Р. Х. Она говорит, что после Яо и его преемника Шуня до настоящей династии были еще две другие, не менее знаменитые. Тот же Конфуций, сочинивший, или, лучше сказать, списавший летопись Весна и Осень, составлял и этот Шу-цзин, – он мог иметь исторические данные. Но прежде всего что такое Шу-цзин? Китайцы сознаются, что эта книга была истреблена при Цинь-ши Хуанди; потом, когда стали ее отыскивать, нашли 80-летнего старика Фушена, который знал, выучил эту книгу наизусть в молодости, когда еще не было на нее гонения. Но они же говорят, что

старик бормотал так, что его понимала только его восьмилетняя внучка. Она-то, эта безграмотная, конечно, девочка, служила переводчицей между своим дедушкой и посланным к нему ученым, который происходил совсем из другой провинции, в которой была другая речь и, конечно, другая письменность, так как уже после того, как Фушен выучил Шу-цзин, Лисы, министр истребителя книг (но, собственно говоря, не более как Шу-цзина), составил общую письменность для всей объединенной тогда империи. Желали бы мы знать, каким образом можно списать со слов книгу, язык которой так сжат и темен, когда и ныне китаец не может понять ни одной письменной книги, не имея ее перед своими глазами. Каким образом со слов Фушена могли написать правильно собственные имена? Какая горькая ирония слышится против всей древности в этом рассказе. Так вот почему мы плохо и знаем, – как бы хотят сказать китайцы, – свою древнюю историю; но мы все же хотим ее знать, во что бы то ни стало, от кого бы то ни было, и знать так, как нам хочется. Впоследствии, спохватившись, что книги со слов списать было нельзя, китайцы отыскиали в стене собственного Конфуциева дома письменный Шу-цзин, спрятанный им самим еще при своей жизни; книга была будто написана особенным, не известным дотоле почерком, который, если бы существовал действительно, должен был бы сохраниться в других книгах и не мог бы никому быть до того времени не известным. Прежде всего является вопрос: почему не дошло списков с этого памятника? Китайцы уже и тогда занимались археологией; притом, на что похож рассказ, что в неизвестном почерке (его называют головастиковым) сумели разобрать только те главы, которые были списаны со слов Фушена, и убедились в их сходстве? Ведь если столько глав было уже прочитано, то те же иероглифы встретились бы, за немногим разве исключением, и в остальных. И всему этому верят добродушные китайцы, равно как верят тому, что Конфуций мог предвидеть гонение и спрятал в стену дома сочиненную им книгу и что этот дом простоял несокрушимо несколько столетий, тогда как в Китае, от тамошнего климата, все так быстро разрушается. Чунь-цю не пропала, а Шу-цзин погиб: как могло это случиться, если бы действительно существовала такая древняя история Китая? Сам рассказ о сожжении книг не был ли выдумкою последующих конфуцианцев, которые стыдились древних своих мараний, как устыдились Цзя-юй (домашние изречения Конфуция) и подменили его Лунь-юй'ем (афоризмы Конфуция); конфуцианцы были недовольны Цинь-ши Хуанди за то, что он не им поручил правление; следующая династия охотно распускала и допускала клеветы на того, у преемников которого она отняла престол. И все последующие династии также всегда старались унижить предшествовавшие им царствования. Династия Мин не поцеремонилась скрыть от своих подданных, как обширны были владения преемников Чингисхана, которых она сменила. Что же мудреного, что Цинь-ши Хуанди приобрел печальную известность, которой вовсе не заслуживал, благодаря только изворотливости конфуцианцев?

Но допустим, что дошедший до нас Шу-цзин был действительно написан Конфуцием. Что же из этого следует? Во-первых, в нем нет последовательной, верной хронологии; во-вторых, его язык вовсе не носит следов отдаленной древности. Правда, он труден, но он более округлен, чем Чунь-цю; в то же время однообразен для всех тысячелетий, тогда как китайцы, несмотря даже на первую фразу книги об Яо: «Если говорить о древнем государе Яо»... хотят уверить нас, что главы Шу-цзина были писаны при тех государях, о которых они трактуют, так как при самом Яо были уже историографы, которые обязаны были записывать все изречения и действия своего государя. Но положим, что так как Шу-цзин был обделываем Конфуцием, то он и мог получить однообразную форму языка, – оттого он и имеет более сходства с афоризмами философа, собственным его учением, чем с летописью Чунь-цю. Но посмотрим содержание Шу-цзина. Позднейшая летопись Чунь-цю кое-как отмечает события, а древняя история о событиях говорит мало, а содержит в себе изречения древних государей, их разглагольствования с министрами, их жалобы, клятвы, сентенции; в одном

месте (Хун-фань) чуть не излагается метафизика и этика. Возможно ли допустить, чтобы древняя история была полнее новой?

В каком виде представляется Китай по Шу-цзину? Прежние династии захватывают его весь почти в нынешнем виде; в нем, при них, то девять, то двенадцать провинций, которые, несмотря на подчинение правителям, в то же время принадлежат десяти тысячам владетельных князей. Шунь и Юй, ближайшие преемники Яо, уже далеко перешагнули на юг от Ян-цзыцзян'а. Вышеупомянутый Хуанди, с которого начинается историю Сы-ма-цянь, хотя и живет прежде Яо, но действует не иначе как в окрестностях нынешнего Пекина, а эти окрестности, в поздние исторические времена, еще были в руках Жунов и Ди, не признававших власти Китая.

Однако же, на каком же основании, скажут, составила такая история? Мы думаем, что разгадки надобно искать в той же достоверной истории династии Чжоу. Воинственная династия, расширив свои владения, должна была и защищать их. Она поставила на своих границах маркграфов – Хоу, которые, с уполномочия или без уполномочия своих государей, стали расширять свои уделы и расширили их до такой степени, что стали сильнее самих государей. Соблюдая еще внешнюю покорность, они старались приобретать влияние при дворе, и это давало другим повод к соперничеству. Между тем власть государя все более и более падала. Маркграфы, превратившиеся в князей, однако, не были настолько сильны, чтобы соединить все владения Чжоу под одну власть; им угрожали и инородцы, которых они хотели покорить. Так, на первых еще страницах летописи, северные варвары разрушили даже один сильный удел, лежавший на северо-востоке от Хуан-хэ, тогда протекавшей в Чжилейский залив. На юге инородцы составили даже, по образцу китайскому, сильное владение, которое хотело захватить влияние над китайским двором. Князья, с одной стороны, чтобы защититься от варваров, с другой – чтобы не быть притесненными собственными государями, стали составлять сеймы, на которых издано было много замечательных постановлений. Власть над сеймами часто долго удерживалась в одном уделе, а потом, по мере его ослабления, переходила в другой. Прежде было много уделов; теперь число их сокращалось все более и более, и наконец когда остались сильные уделы, то система сеймов кончилась. Всякое владение стремилось не только к самостоятельности, но и хотело поработить другие. Что же мудреного, что при этом стремлении всякий захотел вывести свою родословную как можно выше, хотя, по приводимым у Сыма-цяня родословным, число колен почти все одно и то же – что от современников Хуанди, что от Яо или от Чэн-тана (1783 года). Итак, каждое владение хотело право силы подкрепить еще правом происхождения. Вы происходите от Чжоу, – мог сказать удел Вэй или Сун другим князьям, – а мы от предшествовавшей вам династии Инь. – А мы от династии Юй, в наших пределах жил сам Яо, стал распускать легенды удел Цзинь. – В наших царствовал сам Хуанди, утверждал Янь. Кроме того, один и тот же факт исторический мог передаваться различно в различных царствах и относиться к различным эпохам. Так, например, и Яо, и Тан, живший после него спустя более 500 лет, основатель династии Шан, называются одним именем (хотя иероглифы и не похожи). Так, мы выше сказали, что первый зародыш Чжоуской династии полагается на запад от юго-восточного изгиба Хуан-хэ. За 780 лет до Р. Х. там царствовал будто Ю-ван – государь злой, мучивший честных вельмож и князей, преданный своей любовнице, от которого и пала западная Чжоу. То же мы видим в истории двух предшествовавших династий, и они точно так же падают при злых государях-мучителях, подпавших под власть женщин; даже имена последних государей династий Ся и Шан смешиваются, и имена женщин также созвучны.

Конечно, от Конфуция нельзя и требовать, чтобы он мог разобрать эту путаницу. Он мог встретить составившиеся уже до него рассказы и увлечься ими; или, слыша разнообразные рассказы, подумал, что надо принять различные династии, различных государей. Сверх того, это как нельзя более входило в его планы. Как историк и древний, он еще

более нынешних хотел вознестись в древность; как философа, его не могла удовлетворить пошлая действительная история летописи, не представлявшая ни одного великого образца, наполненная братоубийственной войною, постоянными интригами, самыми бессовестными коварствами; подлыми изменами. Только в уста великих монархов древности мог он вложить высокие идеи нравственности. Вот что значат диалоги Шу-цзина. Это последнее значение его не изменяется, если мы почтем его составленным еще позднее, потому что когда его стали отыскивать, по истреблении Цинь-ши Хуандием, то ведь ученые имели в виду угодить оказавшей им покровительство Ханьской династии старанием утвердить ее власть; и вот Шу-цзин, с одной стороны, укрепляет монархическую власть, а с другой – внушает ей уважение к представителям своих идей. Допуская последнее, легко можно уже допустить, каким образом в Шу-цзин попали рассказы об Яо и Шуне, напоминающие имена Ноя и Сима, сказания о потопе, о трех династиях в pendant¹ трем царствам – Ассирийскому, Вавилонскому и Сирийскому. Что конфуцианские книги обдeldывались и доделывались, даже после открытия западных стран, мы имеем на это многочисленные намеки. Но верить ли непременно, что Китаю стал известен Запад только со времен У-ди (140-86)? Тут опять не династическая ли проделка? Притом, официально многое и не в Китае узнается гораздо позже, чем знают частные лица; довольно указать, что в Китае книгопечатание было известно с VI века, а правительство стало пользоваться им только в X столетии; что магометанство существовало в Китае прежде Чингисханидов, а китайская история и не думает о нем упоминать по настоящее время. Если китайские товары проникли на Запад прежде официальных сношений с ним китайского двора, то почему же и идеи и легенды Запада, которому мы придаем такую энергичную силу, не могли проникнуть на Восток, хотя в обмен на эти товары? Есть одно обстоятельство, которое подтверждает нашу догадку, – индейцы называют Китай Чина или Чжина (откуда *Shine*, Хина); но это было название династии (Цинь), царствовавшей в Китае за сто с лишком лет до открытия Запада.

Конфуций родился в самое горячее время китайской жизни. Легко можно сравнить это время, – разумеется, принимая в расчет нынешнее развитие человечества (но не пространство, так как китайская нация тогда уже далеко раздвинула свои границы, благодаря своим маркграфам), – с веками, которые проживает теперь Европа. Не назовет ли впоследствии история и эти века эпою междоусобия, братоистребительных войн? Но мы знаем, что наше время беспорядков служит лучшим стимулом развития. Когда родился Конфуций, сеймовая система кончилась; всякое царство действовало самостоятельно, и каждое стремилось к преобладанию, потому что сеймовая система, положившая начало китайскому образованию, оставила в наследство всем царствам сознание о необходимости единства. Но каждое царство сознавало свою слабость для осуществления этой цели, и каждое чувствовало необходимость призвать на помощь ум, изобретательность. Явились великие тактики, но еще более великие дипломаты; трехдвоймовый язычок, говорили тогдашние Бисмарки, стоит сотысячной армии. Дипломаты переходили с места на место, часто прикидывались, как Бейтс, врагами того царства, в пользу которого они хотели действовать; составляли союзы, которые, по здравому смыслу, казались невозможными; усыпляли тех, чей голос и сила могли заразить покончить столкновение. Вслед за тактиками и дипломатами появились так называемые философы: одни учили, что надобно ввести строгий порядок, устроить государство на правильных гражданских и уголовных законах; другие прибегали к планам экономическим, к средствам обогатить государство, потому что и тогда сознавали, что без денег нельзя вести войны; толковали о том, как возвысить земледелие и промышленность. Известно свойство древней истории: она всегда говорит о государях, о знаменитых мужах, готова говорить о жизни известного бунтовщика или разбойника, но никогда не касается жизни народ-

¹ соответствии (фр.). – Примеч. ред.

ной. Однако кто же, как не народ, участвовал во всех этих непрерывных бранях, чья кровь лилась, как не его, чьи средства должны были содержать эти многочисленные армии? До нас дошел, в песнях, народный ропот об этих беспрестанных походах³, об этих тяжелых работах на укреплениях. Но народных сил все же хватало, кроме того, на постройку великолепных дворцов для князей и вельмож, на украшение их экипажей драгоценными камнями, на приготовление для этих же вельмож затканых золотом материй, на изготовление лукулловских обедов и попоек. Сквозь изнурение нельзя не видеть, что нужда родит изобретательность, что, поверх дипломатических ухищрений, явились в народе ухищрения к развитию средств, к такому же налеганию на природу, с каким на самый народ налегало правительство. Мы думаем, что эти смуты, междоусобицы и пробудили в китайцах их гений, их трудолюбие, что тогда-то именно и развились искусство и промышленность. Эта напряженная энергия китайского духа была так сильна, что не погасла после того и в продолжение тысячелетий. Говорят, что конфуцианство сохранило и сохраняет китайскую нацию до нынешнего времени. Нет, конфуцианство было само произведением того времени, в которое оно явилось. Китай соединился, умолкли войны, и он прекратил свое дальнейшее развитие: он зажил тою жизнью, которую влачат замкнутые в себе государства, внес в эту жизнь и лучшие достоинства, и нажитые недостатки; регулятором этой новой жизни и явилось конфуцианство, выработанное опытами предшествовавшей жизни.

Конфуций тоже был своего рода странствующий искатель приключений; он тоже искал службы то в том, то в другом царстве, даже помимо своего родного; и конечно, если не он думал высоко сам о себе, то его ученики стараются уверить, что если б он упрочился в каком-нибудь царстве, то оно несомненно и стало бы во главе единства⁴. Конфуций сначала был мелким акцизным чиновником, смотрел за весами, за откармливанием скота. Впоследствии будто бы когда он сделался министром на своей родине, то стал так ее устраивать, что испугавшийся соседний князь, имевший виды на Лу, прислал к князю этого последнего владения женскую музыку; музыка была так соблазнительна, что князь, как ни настаивал Конфуций, не хотел с нею расстаться, и Конфуций вышел в отставку, как какой-нибудь английский министр. Даже и не допуская этого рассказа, можно предположить, что Конфуций был большой педант, старавшийся всем навязывать свои идеи о науке и нравственных началах, как единственную панацею против тогдашних столкновений. Но его отталкивали, как бесполезного для того времени; и действительно, не посредством конфуцианства Китай пришел к объединению, а силой оружия. Сила конфуцианства только зарождалась; ей еще надобно было укрепиться. Конфуций, отверженный правительствами, стал их врагом и перешел на сторону народа; он был первый народный учитель.

Какие же зародыши положил Конфуций в основу своего учения? Науку (в виде истории), народность (в форме стихотворений), нравственность (основанную на выводах из истории и поэзии, переданную его учениками в сборнике, известном под именем Лицзи – собрание церемоний, и в книге Сяо-цзин – о почтительности к родителям). Так, по крайней мере, можно допустить, хотя вначале при нем все эти вопросы могли быть еще только в зародыше. Мы выше говорили уже, что через руки Конфуция прошли два исторических сочинения – Шу-цзин и Чунь-цю. Последняя летопись принадлежала его царству, но говорят, он ее переделал; очень сомнительно даже, налагал ли на эту летопись свою руку Конфуций, так как в ней сохраняется именно характер летописи, писанной сжатым языком, а необходимые к нему комментарии написаны рукою современника Конфу-цзиева, Цзо-цю-мина. Но допуская

³ Жалкие наши воины! Только вы разве не люди! Вы не туры и не тигры. Зачем же вам шляться по пустыням? Жалкие наши воины! Зачем же и утром, и вечером нет вам покоя? Длиннохвостая лисица бежит по густой траве, Военные колесницы тянутся по большой дороге!..

⁴ По Лунь-юй'ю, Конфуций обещает изменить государственный строй того царства, которое поручат его управлению – то в одно поколение, то в три года, то даже в один год, во сто дней, в месяц.

это, мы видим, что Конфуций ввел нравственную оценку историческим фактам, употребляя известные слова: например, об одном он говорит – околел, о другом – скончался, о третьем – умер; различает слова – убежал, удалился, был прогнан; одного называет в унижение по имени, другого чествует его титулом. Вот в чем состоит исторический фокус Конфуция, и, однако ж, этот исторический язык положен в основу всех последующих историй. И этот язык страшен для китайцев, как посмертный суд.

Другую книгу, книгу стихотворений Ши-цзин – равно как и Шу-цзин – Конфуций добыл будто бы при Чжоуском дворе. Но каким образом все главы Шу-цзина могли храниться при Чжоуском дворе, когда в них попадают и происшествия, принадлежащие новым временам, когда двор Чжоу не имел уже силы, и происшествия относятся к уделам? О Ши-цзине рассказывают еще большие чудеса. Говорят, что удельные князья, в свое время, должны были представлять ко двору, вместо дани, стихотворения или песни, появившиеся в их уделе, для того чтобы двор мог судить о состоянии нравственности и поэтому, следовательно, даже о достойном управлении самого князя. Китайцы никогда и не думали сомневаться в этом рассказе. Но не слишком ли это уже мудрено для династии, которая все время должна была стоять с оружием в руках? Пожалуй, китайцы готовы также верить, что и в древние времена государи заботились об устройстве школ; школа-то действительно была, да только военная: манежи, плац-парады, экзерциргаузы. И как это удельные князья станут присылать дурные песни, чтобы свидетельствовать против себя: в таком случае весь Ши-цзин только и свидетельствовал бы что о высокой мудрости правителей!

Конфуцианцы говорят, что Ши-цзин не надобно было восстанавливать по истреблению книг, так как он жил в устах народных. Это еще труднее допустить, чем приведение в письменный вид Шу-цзина со слов Фушена. Народный язык и ныне не имеет определенных иероглифов для своего выражения; провинции и тогда уже различались наречиями. О Ши-цзине можно сказать многое. Самая главная часть его – песни, несомненно, носит отпечаток народности; это естественное произведение жизненных отражений всякой нации. В китайских песнях мы видим много общечеловеческого: так и кажется, что присутствуешь на родных вечеринках, посиделках; то воспевают жениха, невесту, иногда над ними подсмеиваются; то красавица тоскует по милому, то учит его, как приходить к себе, то горюет об измене; то рабочий проклинает тяжести труда, воин – трудности похода. Нет сомнения, что во многих есть и исторические намеки. Но китайский комментатор портит все дело: он задался мыслью видеть в этих стихах историю и нравственность; он все гнет в свою сторону, он не только произвольно толкует слова, не стесняясь даже тем, что в другом месте эти же слова объясняет иначе, – он силится отыскать такие царства, которых и не существовало. Достаточно для него уже того, в какой разряд попала песня: если она случайно отнесена к царству Чжоу, то значит это верх нравственности; в другом месте песня того же рода показывает высшую испорченность нравов; точно так же, на этом основании, видят в песне или упоминание об их любимых героях нравственности или презираемых злодеях. Возьмем для примера несколько⁵:

Унизительно, унизительно
Заниматься всякими фиглярствами;
Только что солнце посредине,
Так и выступаешь на сцену;
Большой человек рослый, разрослый,

⁵ Цзянь си цзянь си! Жи чжи фан чжун Шо жень юй юй Ю ли джу ху Цзо шу чжи ёХжу во чжё Шань ю чжень, – Си ю лин Пи мей жень си Фан цзянь вань ву Цзай цян шан чу Гун тин вань ву Чжи пэй жу цзу Ю шу бин чжё Гун янь сы цзё Юнь шуй чжи сы! Сифан мей жень Си фан чжи жень си!

А в княжеском дворце всячески фиглярствует:
Сила как у тигра,
Поводья для него как шелковый шнур,
А он в левой руке держит флейту,
В правой фазанье крыло, —
Красен и цветущ;
Князь велит подать чарку вина;
На горах растут орехи,
На низу солодковый корень⁶.
О ком сказать, думает
Западной страны красивый человек.
Этот красивый человек —
Западной стороны человек!

Мы ставим эти стихи в первую голову, как доказательство того, что в Ши-цзин могли войти стихи, составленные гораздо позже открытия западного края, из которого в Китай занесены были, между прочим, и фокусы. Между тем толкователи видят здесь не ироническую насмешку над западным человеком или его жалобы на свою судьбу; нет, они под западным человеком разумеют первых императоров династии Чжоу, которая только впоследствии стала называться западною; при них, говорят, достойный человек не занимался бы какою ни попало службою. Возьмем еще примеры:

Парочка села в лодку —
Едва видна их тень;
Думаешь о ней —
В сердце беспокоишься,
Парочка села в лодку —
Едва видно, куда уехала,
Думаешь о ней:
Как бы не вышло беды.

Кто бы подумал, что в этих стихах толкователи видят следующую историю: Вэйский князь Сюаньгун, женившись сам на Сюань-цзян, которую сначала сватал за своего сына, Цзи, когда выросли рожденные от нее дети Шоу и Шо, решил погубить Цзи; для этого он послал его в другое царство и на дороге поставил убийц; Шоу, узнав о намерении своего отца, предупреждает Цзи, но тот говорит: «Воля государя, не могу уклоняться». Шоу, похитив значки Цзи, идет вперед, и его убивают; Цзи приезжает вслед за ним и говорит: «Государь велел убить меня», и его убивают!

На стене колючки —
Нельзя смести,
Домашние речи
Нельзя рассказывать,
Если б рассказывать,
(выйдут) Слова скверные!

На стене колючки —

⁶ То есть всему есть свое место, а твое место тут ли?

Снять нельзя,
Домашние речи
Толковать нельзя.
Если б толковать,
(выйдут) Слова длинные!

На стене колючки —
Нельзя унести,
Домашние слова
Нельзя читать,
Если б можно читать,
(выйдут) Слова бесчестные!

Мы скорее приняли бы, что тут выражается наша поговорка: из избы сору не выносить; но толкователи говорят, что это насмешка над сейчас упомянутою Сю-ань-цзян, которая, по смерти мужа, связалась со своим пасынком.

Сочетавшаяся до старости с благородным мужем,
С шестью драгоценными камнями в головной шпильке,
поддерживающей накладку,
Плавная и стройная,
Как гора, как река,
В красивом парадном платье,
Что ты не чиста — Как можно сказать!
Свежо, свежо (на тебе)
Это платье, на котором вышиты фазаны.
Черны твои волосы, как тучи,
К чему тебе шиньон!
(на тебе) Яшмовые наушники,
Гребенка из слоновой кости,
Прекрасны твои брови,
Право же ты — небо,
Право же ты — бог!
Блестяще, блестяще
Твое платье,
С окаймленною материей,
Подобранное буфами;
Ясны твои очи, прекрасны брови,
Красивы виски!
Такой человек, по правде,
Есть красавица во (всем) царстве.

Вместо того чтобы видеть здесь восторженные похвалы красоте, указывают на распутные нравы той же Сю-ань-цзян, которые погубили удел Вэй.

Итак, мы допускаем, что Конфуций собирал, сверх исторических сказаний, во время своих путешествий, и народные песни, как единственные тогда существовавшие памятники литературы; мы допускаем это потому, что думаем, что тогда литературных памятников было

вовсе немного⁷. Письменность тогда существовала только как орудие правительства, для записывания исторических событий, еще более для обозначения статистических данных; доходов и расходов, географических пределов, – так говорится, по крайней мере. Эти памятники не дошли до нас, и очень естественно: они, может быть, были недоступны и самому Конфуцию, как государственная тайна. Войны истребили их, вместе с княжескими дворцами и казенными местами, о которых не заботился победитель.

Тем более является высокою заслуга Конфуция: он первый сделал науку, образование достоянием народным, он первый познакомил народ как с правительственными документами, так и с самим собою. Если до Конфуция и были школы, то все же только школы правительственные; нигде не видно, чтобы, помимо их, были народные учителя. Мало того, кроме конфуцианских школ, не существовало в Китае даже и впоследствии никаких школ; являлись писатели, не согласные с конфуцианством, враждебные ему, но мы говорили уже, что даже буддисты и даосы учатся по конфуцианским книгам. Китайцам непонятно даже, чтобы могли существовать другого рода школы, в которых не преподавались бы их классические книги. Когда европеец говорит им, что в Европе также учатся, что там также получают ученые степени кандидатов, докторов, то они твердо уверены, что это звание дается за изучение их классических книг. На этом-то и основан известный анекдот, что они считали покойного супруга королевы Виктории беглым кантонским студентом, так как им сказали, что она вышла замуж за молодого человека, взятого с университетской скамьи. На этом же основании, когда они увидели, что европейцы их превосходят во всем, и им стали толковать, что европейцы обязаны этим науке, они не сомневались, что эта наука заключалась в их же классических книгах; подозревали даже, что в Европу зашли те главы из этих книг, которые потеряны китайцами.

Чему и как учил Конфуций – это еще загадка; может быть, самая история и поэзия были в его руках только как пособия для изучения письменного языка; этим учением он и ограничивался, не выводя даже и тех нравственных принципов, которые ему приписывают. Все последующее было делом его учеников. Но уж и то много, что явился человек, который позаботился о народе, стал его учить. Народ в Китае смотрит с недоверием на своих чиновников; оттого он не изъявляет сочувствия к тому образованию, которое ему предлагается. Но вот теперь он завелся собственным своим учителем, от которого пошли другие учителя, он готов их слушать. Понятно, что эти учителя должны говорить в его духе, соболезновать об его страданиях, осуждать поборы, наряды. Все это нашлось в конфуцианстве. Мы видим в нем поддержку демократических начал и вместе с тем неограниченной власти государя. Не такие были государи древности, как эти ничтожные Чунь-цю; в древности, в Шу-цзин, вот как они заботились о народе! Такова главная мысль последней книги. И народ поддержал это учение; конфуцианские ученые стали мало-помалу чувствовать свою силу, и эту силу внушало им убеждение, что они более образованны, более знают, чем правительственные чиновники; сначала они смиренно дожидаются, когда правительство призовет их к управлению; они продолжают вырабатывать идеи своего учителя, может быть, создают многое от себя, приписав это Конфуцию. Но когда терпение их истощилось, является Мэн-цзы и начинает громить правительство: «Что должна сделать жена с мужем, ее покинувшим?» – спрашивает Мэн-цзы у владетельного князя. «Бросить его и взять другого», – отвечает последний. «Что должно сделать с чиновником, не исполняющим своих обязанностей?» – «Отставить». – «Ну а когда князь дурно правит?» Князь посмотрел направо и налево и завел речь о другом.

⁷ Едва ли даже на Ши-цзин не должно смотреть, как на образчик древнего языка различных наречий; мы видим в нем, что одно и то же содержание передается различными словами в различных царствах; на эту-то сторону до сих пор никто и не обратил внимания, и все потому, что никак не могут допустить мысли, чтобы китайские комментаторы были неразвиты.

Конфуцианство могло легко разрастаться во время междоусобных войн. Когда Цинь-ши Хуанди соединил Китай под одну власть, общественное мнение, поддерживаемое конфуцианцами, оказалось уже так враждебно ко всем его распоряжениям, что он должен был вступить в борьбу с конфуцианцами, озлобленными тем, что не по их идеям соединили Китай, не спросив их правят. Это вовсе не было гонением на науку: как говорят китайцы, доклад об истреблении конфуцианских книг писал знаменитый Ли-сы, который был столько же великий государственный муж, как и ученый: он обработал ту китайскую письменность, которая существует и до сих пор и которою написаны самые конфуцианские книги, выдаваемые за древние. До того в каждом царстве были свои варианты письменности. Оставлены были и казенные ученые академики, не преследовались и книги астрономические, математические, по части сельского хозяйства, естественной истории, медицины и все полезные для народа в его быту. Сделана была даже уступка в духе конфуцианства: позволено было брать уроки у правителей для изучения гражданских законов. Вооружались лишь против педантов, которые осуждают новое на основании старого только для того, чтобы осуждать. Но конфуцианцы метко и ядовито обозначили такое распоряжение правительства: «оно хочет», сказали они, «оглупить черноголовый народ», то есть чтобы он не имел своего мнения, на все глядел глазами правительства. Понятно, что конфуцианцы уже были уверены, что общественное мнение на их стороне, что народ уже в их руках, смотрит их глазами, сочувствует только тому, чему они его учат. Метко же обозначило их и правительство, назвав педантами, знающими только старое, то есть ретроградами. Действительно, конфуцианство послужило причиною застоя Китая; педантизм, как мы видим, может иметь поддержку в самом демократизме, и наука может служить источником застоя, если она направлена не в ту сторону.

Дорого заплатился Цинь-ши Хуанди за это презрение к народу и его учению. Скоро пала его династия, и нет сомнения, что причиной этого падения была вражда конфуцианцев, которые и открыто присоединялись к бунтовщикам. Умело взялся за дело хитрый дом Хань: он видел силу народного мнения и призвал конфуцианцев к управлению. Зато на множество мест в классических книгах, даже на всю их редакцию, тем более на толкования, можно смотреть так, что они прошли сквозь призму угождения правительству. Как скоро конфуцианцы взяли в свои руки бразды правления, стали у трона, они уже отделились от народа, хотя и кажутся его друзьями: власть изменяет характеры. Они остались верны только одному принципу – хулить всякое нововведение, ссылаясь на образец древних царств, и заботиться о своей власти. Этому новому положению можно приписать, что конфуцианцы дали совсем другую редакцию своим книгам: сочинили одни, отбросили другие. Если прежний Шу-цзин проповедовал республиканские идеи, то куда он теперь годился!

Как бы то ни было, несомненно одно, что в основу конфуцианства легла наука: мы видим, что две классические книги содержат в себе историю: история так близка народу, он так ее любит; недаром же Геродот решался читать ее на Олимпийских играх. Затем Ши-цзин – книга песен – соединяется толкованиями с тою же историею, поддерживает ту же народность, песни еще более любимы народом, чем история. Говорят, что Конфуций занимался также И-цзином, книгою гадательного, прабабушкою нашего Мартына Задеки, написанною несвязным языком; указывают даже на главы, будто им написанные в приложениях к этой книге. Мы не признаем этой ранней связи И-цзина с конфуцианством; оно нигде не ссылается на него в древних книгах. То место Лунь-юй'я, которое приводится в подтверждение занятия Конфуция И-цзином, толкуется очень натянуто; даже, может быть, и в этом натянутом виде нарочно искажено, вставлено. Другое дело – последующие века: конфуцианство старалось расширить круг своих учений, ему было полезно присоединить такую книгу к своей школе; во-первых, она дошла от древности, а конфуцианцы – приверженцы старины; книга такого рода всегда имеет ход у народа, а конфуцианцы – друзья народа. А главное, такого рода книга дает простор всевозможным толкованиям, то есть в нее можно вставить

какую угодно науку – и военную, и астрономическую, и моральную, словом, все, что ни показалось бы конфуцианцу нужным внести в свой круг; чего еще не было внесено, он может внести это, как и было с И-цзином.

Говорят, что Конфуций не только был музыкант, но и написал будто даже, потерянную однако же, книгу о музыке. Судя по помещенным в Лунь-юй отзывам его о музыке, нельзя сказать, чтобы он был китайским Вагнером⁸. Но то несомненно, что в древнее конфуцианское образование входила музыка: в классических книгах не раз упоминается о тонах. Так как нельзя верить на слово конфуцианцам, которые, как и всякие последователи какой бы то ни было школы, приписывают всегда своему учителю то, что введено уже ими, то и мы не будем смотреть на Конфуция как на лицо, действительно введшее музыку в образование. Достаточно того, если ученики его, в противоположность ударам (тогда еще не было грома) оружия, раздававшегося в те века, проти-воставили гармонические звуки, возглашавшие о мире. Очень натурально, что они старались расширить круг гражданского образования. Точно так же нельзя утвердительно сказать, чтобы Конфуций придавал то значение нравственности или церемониям, какое придали им его ученики. Мы видим, что и книга о церемониях, ему приписываемая, также не дошла до нас, потому, может быть, что и не существовала. Представляя себе, однако же, Конфуция как первого народного учителя, не мудрено допустить, что он в свое преподавание ввел музыку, как смягчающую народные нравы; музыка имела связь с книгой стихов, которые должна была сопровождать. И очень жаль, что музыкальное образование было заброшено конфуцианством, что оно считается ныне промыслом самых презренных людей. Что касается до церемоний, то при Конфуции они могли еще заключаться только в вежливых приемах: как подходить и отступать, то есть раскланиваться, как сообщать приятное и приличное выражение своему лицу. Зато мы видим, что вся главная деятельность учеников Конфуция обращена исключительно на эти церемонии. О конфуцианстве, до вступления его на историческое поприще с полной уже властью, при Ханьской династии, за целые три столетия, если не более, мы имеем весьма мало сведений; но очевидно, что оно в это время не дремало и развивалось все более. Упоминается о некоторых учениках Конфуция, достигавших значения в том или другом царстве, и даже казненных за проявление честолюбия. Не много знаем мы о Мэн-цзы, кроме приписываемого ему сочинения, хотя на это сочинение надобно смотреть как на продолжение Лунь-юй'я. Последняя книга представляет изречения Конфуция, а иногда и одних его учеников, разговоры Конфуция с ними, отзывы о характере Конфуция. Никто не сомневается, что это сочинение уже, конечно, не принадлежит Конфуцию и даже первому поколению его учеников, вернее – и второму, и третьему, потому что в нем о некоторых учениках Конфуция отзываются уже с тем же почетом, как и о самом Конфуции; следовательно, Лунь-юй могли составлять уже их ученики. Но надобно ли непременно верить, что они записали действительные слова Конфуция; не скорее ли они внесли в эту книгу именно то, что их занимало? Точно так же, конечно, гораздо позднее, конфуцианцы, раздосадованные, как мы сказали выше, своим долгим ожиданием влияния и власти, могли создать философа Мэн-цзы, который будто, как и Конфуций, странствует по различным царствам и рассказывает то, что еще не договорено было в Лунь-юй'е, а было выработано впоследствии. История именно замечает, что странно, как Мэн-цзы, современник Чжуан-цзы, с ним не встретился. Затем историческое упоминание о конфуцианцах переходит прямо к столкновению их с Цинь-ши Хуанди; еще говорится, что они встречают основателя Ханьской династии с музыкой и жертвенными приборами. Последние принадлежат церемониям; значит, если Цинь-ши Хуанди мог истребить Шу-цзин – историю, то почему он не отнял у конфуцианцев ни музыкального, ни церемониального

⁸ Конфуций преподавал капельмейстеру Лу следующий урок: «Музыке легко выучиться: при начале игры все инструменты должны быть настроены; в продолжение игры все должно идти плавно, внятно, без диссонанса; то же и в конце!»

образования? Мы думаем, что это доказывает только то, что такое образование в то время уже считалось конфуцианцами выше ученого, исторического.

Действительно, в продолжительный период негласного существования конфуцианства из всех трудов его ученых мы можем указать разве на одни только комментарии, сделанные на Чунь-цю по части истории. Вся же деятельность первых конфуцианцев выразилась в многочисленном ряде статей, относящихся к церемониям. Эти статьи собраны были в одну книгу (Ли-цзи – собрание церемоний). Сюда же должно отнести и Сяо-цзин, книгу о почтительности к родителям, равно как и упоминаемые уже Цзя-юй, Лунь-юй и Мэн-цзы. Пожалуй, это были своего рода комментарии на Ли-цзин, каноническую книгу церемоний, приписываемую Конфуцию, и о котором в ней, впрочем, не упоминается; но здесь уж основная мысль Конфуция могла значительно измениться. Если сохранилось Ли-цзи, то почему бы не сохранился и Ли-цзину, если б он был действительно написан. Правда, что Конфуций не мог обойти такого важного вопроса, как церемонии, или, что то же, как мы сейчас увидим, нравственность. Для нравственных начал был им принят Шу-цзин; нравственную оценку дает он и в Чунь-цю; в Лунь-юй'е ему велят в уста следующий нравственный отзыв и о Ши-цзине: 300 стихов Ши-цзина заключаются в одном слове: «не помышляй дурно». Но большая разница – искать в истории законов и выводов для нравственности, или из придуманных, или, пожалуй, добытых из истории законов нравственности делать предписания для всей будущей жизни народа, останавливать всякое историческое развитие. Стоит только заглянуть в первые страницы Лунь-юй'я, чтобы видеть, что вскоре после Конфуция началась борьба, чему отдать предпочтение – нравственности или науке? «Учиться и с каждым днем совершенствоваться не так же ли приятно, как встретиться с другом, пришедшим из далеких стран?» «Молодой человек должен быть почтителен к родителям, солиден и честен, любить добро. Все же свободное от этого время он должен употреблять на свое обучение». Но затем Цзы-ся, ученик Конфуция, говорит положительно вслед за последним изречением: «Если кто истинно любит добро, служит родителям со всею тщательностию, государю со всею преданностию, обращается с друзьями с искренностию, хотя бы другие и называли того невежей, я назову его ученым!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.